

nieszczęsne czasy»;¹ и в других случаях мы встречаем в диалогах тот же 13-сложный или 11-сложный размер с попарными рифмами, которыми часто написаны разные «планкты». Трудно, таким образом, ожидать от большинства авторов-рокошан сознательного различия литературных жанров.

Подавляющее большинство из них (за редкими исключениями) не заботилось о литературной славе, смотрело на свои произведения, как на вещи злободневные, долженствующие удовлетворить лишь запросы данного момента, и потому вовсе не думало об их отделке, о включении их в строго определенные рамки общей литературной традиции. Подобного рода произведения в Польше начала XVII в. были еще сравнительной новостью; вследствие этого тем труднее было их втиснуть в рамки совершенно определенной местной литературной традиции. Рокошане-авторы вынуждены были поэтому прибегать к искусственной комбинации уже существующих жанров или совсем игнорировать данный вопрос. По их стопам в данном случае пошли и конфедераты с той лишь разницей, что вопрос авторства и литературной славы для них стал играть еще меньшую роль, чем для рокошан, так как лучшие традиции эпохи гуманизма были уже утрачены, а новые приемы поэзии «вторичного классицизма» почти совсем не могли быть ими восприняты. Под влиянием свежих еще воспоминаний гуманистической эпохи рокошане-авторы считают необходимым внести гораздо больше «учености» в свои «планкты», чем то мы видим позднее у конфедератов: Wawrzyniec Chlebowski, напр., автор ряда стихотворений, зарегистрированных в библиографии Эстрейхера, сочиняет такой «Lament żałośny korony polsk'ej»,² в котором только начальные стихи содержат прямое отражение гонимых его чувств, в связи с гражданской войной. Остальная часть стихотворения представляет собою типичное для эпохи барокко нагромождение мифологических уподоблений. В неменьшей степени содержит этот элемент другой «Lament żałośny»³ — обширная элегия, в которой фигурируют и Аякс, и Елена, и амазонки, и Приам, а также целый ряд других мифологических существ. Черты явного барокко сказываются ярко у автора этого стихотворения, когда он на ряду с этими традиционными штрихами, вводит уподобления, заимствованные из мира библейского; он допускает, таким образом, пеструю смесь несоединимых между собою образов. Автор говорит тут, напр., о «Хананейской земле», с которой сравнивает нынешнюю Польшу; рассказывает

¹ Czubek, op. cit., стр. 71—75.

² Ibid., стр. 256.

³ Ibid., стр. 257—270.